

Общая педагогика, история педагогики и образования
General pedagogy, history of pedagogy and education

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-109-122
УДК 371

**ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПАТРИОТИЗМА В КОНТЕКСТЕ
СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ И ЕГО ВОСПИТАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ**

АБРАМОВ Сергей Михайлович

Уральский государственный горный университет
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: abramowwwwsm@mail.ru

АКУЛОВ Сергей Александрович

Уральский государственный горный университет
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: sergei1954akulov@rambler.ru

Анотация: В статье проблема патриотизма рассматривается как содержательно изменяющийся общественный феномен с точки зрения его природы и сущности, которые не являются неизменными. Особое внимание уделяется тому, что патриотизм замкнул на себе нереализованные надежды социальных групп и слоев общества, ожидания которых оказались выше его политических и культурных возможностей. Научная новизна работы заключается в том, что в ней говорится о зависимости патриотизма от поколенческого сдвига или смены поколений, так как появление нового дееспособного субъекта социального действия, обладающего не только постматериальной независимой от ушедшей советской природы, но и новой идеализированной системой ценностей, способно предопределить изменения в патриотических настроениях в обществе. В работе утверждается, что различные интерпретации патриотизма, несмотря на его кажущуюся естественность и извечность, создают предпосылки для появления стереотипизированных химерических конструкций. Отмечается, что традиционно формой патриотического фетишизма выступает институт образования, сведенный к логике «сервиса» – к оказанию образовательных услуг, выстроенный сообразно заданной вертикали ценностей и приоритетов, очерченных государством, в рамках которого патриотизм не воспитывается, а провозглашается. Институт образования, для которого фрейм воспитания патриотизма перестал быть организующим принципом, больше не прошит сильными временными связями в пределах прямого контакта поколений, их смысловым диалогом. Как следствие, патриотическое воспитание слабо интегрировано в образовательный процесс. Другим следствием этой ситуации является слепота института образования в современной России в отношении

поколенческих сдвигов и их влияния на общественное развитие. Сегодня российскому государству (его политической элите) намного важнее воспроизводить форму патриотизма на уровне официальных формул, но не его буквальный смысл. Статья опирается на принципы научности, объективности и креативности.

Ключевые слова: патриотизм, фиджитал-поколение, эффект подражания, симулякр патриотизма, институт образования

Для цитирования: Абрамов С.М., Акулов С.А. Попытка осмысления феномена патриотизма в контексте смены поколений и его воспитания в отечественной системе образования. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13. № 1. с. 109-122.
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-109-122

Original article

AN ATTEMPT TO COMPREHEND THE PHENOMENON OF PATRIOTISM IN THE CONTEXT OF GENERATIONAL CHANGE AND ITS UPBRINGING IN THE DOMESTIC EDUCATION SYSTEM

Sergey M. ABRAMOV

Ural State Mining University
Ekaterinburg, Russia
e-mail: abramowwwsm@mail.ru

Sergey A. AKULOV

Ural State Mining University
Ekaterinburg, Russia
e-mail: sergei1954akulov@rambler.ru

Abstract: In the article, the problem of patriotism is considered as a meaningfully changing social phenomenon from the point of view of its nature and essence, which are not invariable. Special attention is paid to the fact that patriotism locked onto itself the unfulfilled hopes of social groups and strata of society, whose expectations turned out to be higher than its political and cultural capabilities. The scientific novelty of the work lies in the fact that it speaks of the dependence of patriotism on a generational shift or generational change, since the emergence of a new capable subject of social action, possessing not only a post-material independent of the departed Soviet nature, but also a new idealized system of values, is capable of predetermining changes in patriotic sentiments in society. The paper argues that various interpretations of patriotism, despite its seeming naturalness and eternity, create the preconditions for the emergence of stereotyped chimerical constructions. It is noted that the traditionally form of patriotic fetishism is the institution of education, reduced to the logic of "service" – to the provision of educational services, built in accordance with a given vertical of values and priorities outlined by the state, within which patriotism is not brought up, but proclaimed. The Institute of Education, for which the frame of education of patriotism has ceased to be an organizing principle, is no longer stitched with strong temporary ties within the direct contact of

generations, their semantic dialogue. As a result, patriotic education is poorly integrated into the educational process. Another consequence of this situation is the blindness of the institution of education in modern Russia in relation to generational shifts and their impact on social development. Today it is much more important for the Russian state (its political elite) to reproduce the form of patriotism at the level of official formulas, but not its literal meaning. The article is based on the principles of science, objectivity and creativity.

Keywords: patriotism, phigital generation, imitation effect, simulacrum of patriotism, institute of education

For citation: Abramov S.M., Akulov S.A. An attempt to comprehend the phenomenon of patriotism in the context of generational change and its upbringing in the domestic education system. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Vol. 13. No.1. PP. 109-122. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-1-109-122

Возрастание интереса к проблеме патриотизма, как правило, характерно для общества, входящего в новые формы своего существования и переживающего переходный этап в своем развитии. Как следствие, в таком переходном обществе возникает острая потребность поиска утраченных смыслов, осмысления традиций, закрепляющихся и сохраняющихся в его исторической памяти, без которой ни одно общество не живет. Исследование проблемы патриотизма представляет особые трудности, что становится поводом для его осмысления. Его анализ не обходится без оценочных суждений, он неизбежно сопряжен с системой толкований, как личной, так и пристрастной, задевающей интересы политических и культурных элит всех видов.

Ни в коем случае не претендуем на первенство, говоря о том, что в основе патриотизма лежит личная интеллектуальная, эмоциональная и чувственная привязанность личности к стране, ее национальной культуре, преломленная через интересы и верования правящего класса, восприятие которой каждым индивидом осуществляется через сферу внутреннего самоконтроля, что направляет деятельностное бытие личности. Вместе с тем следует отметить, что патриотизм личности включает его гражданское самосознание, связанное с формированием у индивида чувства гражданской идентичности и ответственности, которые определяют уровень проникновения и форму сложных разновидностей патриотизма – от личного до государственного.

Полагаем, что устойчивость современного патриотизма, ориентированного исключительно на текущий момент, связана с его способностью вбирать в себя все его сложные виды и формы – ностальгический, идеологический, романтический, государственный, которые обладают собственной динамикой и, как следствие, обуславливают и определяют личное и общественное поведение и настроение людей посредством эмоциональной насыщенности стереотипов, в том числе мифологических, предельно упрощающих понимание окружающей реальности и сводя ее к появлению в массовом сознании дихотомии – борьбы сил добра и зла, кого любить, кого ненавидеть.

Склонны предположить, что особенность настоящего момента заключается в попытке поставить общество под тотальный контроль посредством перехода от патриотизма к государственному патриотизму и далее к новой его модели – военно-мобилизационному патриотизму. Одно из оснований этой политики содержится в исторической памяти русского народа, ибо Россия большинство веков своей истории выступала в качестве осажденной крепости.

Благоприятным фактором является состояние современного российского общества, которое сопровождается ростом социального неравенства, попранием социальной справедливости, утратой социального оптимизма, распадом и разобщенностью социальных общностей, фрустрирующим фоном напряженности людей и многочисленными флуктуациями, которое одновременно испытывает сильное и агрессивное воздействие со стороны средств массовой информации на индивидуальное сознание, что позволяет многократно умножать возможности трансляции заданного образца патриотизма (патриотизм – одно из порождений медиапространства), построенного на неопределенных общественных идеалах. Подчеркнем, что «пропаганда проникает в уже открытые умы и утверждает в них не новые мысли, а только оформляет те, которые уже существовали» [6, с. 129]. В этом смысле пропаганда вторична. При этом, безусловно, нельзя отрицать колоссальную роль психотехник (сознательное искажение информации) и социальных технологий (сознательное введение в заблуждение; злоупотребление рекламными технологиями) для мобилизации воли людей. Как справедливо указывает А.И. Юрьев, «вся информация, создаваемая в средствах массовой информации и в политических публикациях, предназначена только лишь для эмоциональной сферы человека, учитывающей закономерности восприятия, памяти, внимания, настроений, переживаний» [7, с. 422].

Есть все основания полагать, что агрессивная теледиета способна спровоцировать в человеке патриотические наклонности, так как телевидение, благодаря тонкости своего влияния, запускает в действие эффект подражания («быть как все»), искажая представления зрителей о реальности. Между тем именно такой тип квазипатриотизма, формируемый агрессивной пропагандой, лишен морально-нравственного смысла; как следствие, он нарушает целостность и упорядоченность общественных процессов и ведет к нарастанию энтропии, что в целом обуславливает нарушение ценностно-мотивационного ядра национального, гражданского самосознания.

Как было сказано, патриотизм непредставим без пропаганды; целые поколения воспитывались и продолжают воспитываться на телевидении, то есть области, находящейся под жестким контролем государства, заинтересованного в формировании традиционных представлений – не иметь своего мнения, доверять коллективному мнению «соплеменников».

Обозначим только несколько линий, которые представляются особенно важными, искажающими суть современного патриотизма: это перенос акцентов с интересов людей на интересы власти (государства) и выдача их за интересы людей (социума); развитие псевдосоциальной солидарности – «мы вместе»; широкое использование и эксплуатация государственного и административного ресурса, в том числе подконтрольных СМИ; использование старой дилеммы *вера – знание* в пользу навязывания патриотических верований, а не знаний («патриотизм выше знаний»); реальная социальная информация, исходящая из всех источников, закономерно подменяется источником социального творчества – патриотизмом;

широкое использование лингвистической мимикрии, придающей привычным словам намеренно благозвучный смысл, таким как *народ, порядок, дисциплина, власть*, и отказ от дискредитированных иностранных понятий: *демократ, рынок*; постоянная одержимость идеями и образцами прошлого (перерастающая в болезненную зависимость от прошлого, которое рассматривается в «романтическом духе», так как утрата представлений о будущем объективно заставляет искать идеал в мифологизированном прошлом), мешающая субъекту видеть реальное настоящее, перенасыщение прошлым; игра в великодержавность для компенсации внутренних экономических и внешнеполитических провалов страны (правящие элиты любят играть в великодержавность).

Нельзя не отметить, что избыточность патриотизма, оторванного от полезного прошлого, политизирует и накаляет политические чувства социальных групп и слоев общества (всех его сегментов), как бы они ни были далеки от него прежде, завораживает своей силой упрощения повседневной жизни, подталкивает людей к стереотипному мышлению, появлению предрассудков, стандартизирует ценности, что важно – создает иллюзии, благодаря которым события социальной жизни отдельных индивидов, социальных групп приобретают признаки реальности. Как указывает Ж. Бодрийяр, «все, что происходит, аннигилируется на телевизионном экране» [2, с. 285].

Обратим внимание на то, что патриотизм, на наш взгляд, задан соотношением потребности (в данном случае элиты) и ситуации (например, международной изоляции), в то же время он построен на подчинении мышления идеологической модели, которая подразумевает придание индивидуальному «Я» поведенческой ориентации с помощью закрепленной картины мира, не всегда соотносящейся с потребностями общества (у общества потребности могут быть иллюзорными, целенедостижение которых маскируется воспеванием прошлых побед) и власти (реальными потребностями, реализации которых мешают трудноразрешимые проблемы в экономике, образовании, экологии и других областях общественной жизни). Другими словами, это положение «иллюзия – реальность» является мощным источником патриотического романтизма, как неотъемлемой части государственного патриотизма, с помощью которого можно вести в любом направлении все новые поколения.

Полагаем, что сегодня массовое сознание, захваченное повседневными проблемами, опустошенное историческими разочарованиями (низкий уровень качества жизни вместо опережения и процветания) и встревоженное неопределенностью перспектив, требует новых идеалов, которые имеют свойство обращаться в свою противоположность. Обращает на себя внимание то, что доминирующая идеология в рамках такой формы патриотизма как минимум должна отражать реальные потребности общества, его развития, но она их искажает.

Имеет смысл отметить, что, даже если мы согласимся с тем, что подъем патриотических настроений стал результатом определенной стратегии государства, с помощью которой оно пытается компенсировать отступление от собственных социальных обязательств, факт остается фактом – патриотизм сейчас стал объективным фактором, определяющим общественно-политическую обстановку в стране. В конечном счете сегодня обществу посредством (и вопреки) патриотизма, высвобождающего националистический инстинкт (возможно, избытком национализма предполагается заменить недостаток гражданских свобод), сделана попытка навязать мобилизационную модель, охватить и сковать страну «обру-

чем» патриотизма. Безусловно патриотизм позволяет заглушить остроту социальных противоречий, поддерживать социальную дисциплину в обществе, а с другой стороны, разбудить и обострить национальные чувства. Сложно сказать, какое место в этом процессе занимает убежденность, а какое – притязания. Ограничимся тем, что скажем: нельзя ни одному обществу отказывать в праве на патриотизм, природа и сущность которого не являются неизменными. Он опирается на чрезвычайно гибкий политический язык, способ выражения политических аргументов при помощи апелляции к родине (стране), который исповедует та или иная часть общества.

При этом логика политической элиты трансцендентно отражает потребности только какой-то части общества, желающей быть наглухо застегнутыми в армейский френч – «мы солдаты», жить по законам психологии войны, военной организации общества. Фактически социально-политический контекст общества обуславливает и его патриотические настроения, выраженные в вышеуказанной форме.

Нет смысла отрицать, что активное использование в СМИ мифа военной угрозы, «призраков по вызову» (термин Г. Павловского) катализирует формирование патриотизма. Идея «врага», который должен быть разбит либо уничтожен, внешней угрозы в конечном итоге обуславливает моделирование индивидуального поведения посредством широкой и расчетливой пропаганды идей патриотизма, сопровождаемых демонстрацией патриотических сцен. Безусловно, пропаганда патриотизма большей частью основана на стереотипизации мышления отдельных социальных групп общества.

Склонны предположить, что сегодня широкой социальной опорой патриотизма выступает поколение традиционалистов или возрастная аудитория – к ним отнесем послевоенное поколение, шестидесятников и семидесятников, воспитанных в парадигме государственного патриотизма в условиях холодной войны. Сегодня это самое лояльное и патриотическое поколение из всех, отличающееся крайним, предельным настроем. Именно эту аудиторию проще всего мобилизовать – это факт несомненный. Другой опорой патриотизма выступает потерянное поколение, или поколение «свободы». Авторитаризм, укреплению которого оно содействует, является для него, как правило, привычной, естественной средой обитания. Его представители инфантильны, недостаточно критичны и агрессивны, поэтому являются социальной базой всех провластных патриотических движений. Как субъект социального действия, ностальгирующие по СССР, они не способны продавить какие-либо перемены (изменения) в обществе, оставаясь надежным демиургом существующего статус-кво.

Одна из очевидных проблем патриотизма состоит в том, что он связан исключительно с традиционалистами (чье сознание целиком приковано к матрице старого), в то время как должен быть обращен к молодежи, к ее потребностям.

Обратим внимание на то, что сегодня выросло новое поколение, которое воспитано не только на телевидении, но и на интернете, причем это более дееспособное и деятельное поколение – условно назовем его «цифровым поколением», увлеченное фиджитал-культурой (цифровой культурой), способное изменить реальность на ту, которая его больше устраивает. Поэтому так велико значение этого поколения, которое практически ничем не связано с советским прошлым и не охвачено «обручем» патриотизма, общими ностальгическими воспоминаниями. В отличие от названных выше поколений, фиджитал-поколение больше ориенти-

ровано на актуальные постматериальные ценности, различия между которыми обусловлены степенью идеологизации, нормами понимания объективности.

Тем не менее нам представляется очевидным, что границы, разделяющие людей, проходят *не между поколениями, а внутри них*; традиционалистов и представителей нового поколения размежевывают их взгляды, ориентиры, духовные опоры и практические действия.

Между тем фиджитал-мировоззрение нового поколения, которое, как, впрочем, и каждое поколение, безусловно ищет свою цель жизни, способно спровоцировать серьезные противоречия, множество мировоззренческих конфликтов с предыдущим поколением традиционалистов, с которым оно чувствует свою ценностную разделенность (не путать с психологическими перегородками) и с которым у них нет никакой социальной близости, ибо оно обладает беспрецедентными возможностями (технологическая продвинутость, открытость, непредвзятость и критичность мышления, решимость, высокий уровень толерантности) выбирать и контролировать свои предпочтения. Важно понимать, что ему также чуждо патологическое невежество – один из синдромов современной России. Кроме того, его отличает высокая резистентность, так называемая внутренняя сопротивляемость или невосприимчивость к любому внешнему воздействию, стойкое несогласие с отсутствием права выбора, свободы, нежелание выполнять и подчиняться чужой воле.

Надо четко представлять, что образец смирения (смирительная рубашка) не относится к формуле (логике) их поведения. У них нет чувства тоски по большой стране – Советскому Союзу. Как следствие, из всех поколений, которое надеется только на себя, оно в наименьшей степени подвержено мимикрии, т.е. намеренному притворству, особенно публичному, что особенно характерно для среднестатистического обывателя российского общества, как правило, прячущегося за маской ложного притворства, признания данного феномена. В то же время следует признать, что у этого поколения нет глубокой и разветвленной одной системы ценностей (что во многом характерно для любого поколения), верований, убеждений. Реальность для них – постоянно меняющийся калейдоскоп виртуальных событий. А это опаснее мимикрии, это ворота хаоса.

Нет смысла отрицать, что новое и непонятое поколение, со свойственной ему критической рефлексией происходящих событий, будет находить другие (новые) пути самореализации, в том числе творческой, нельзя недооценивать его склонность реально смотреть на вещи. Ошибочно полагать, что новое поколение, растущее в контекстах, контролируемых взрослыми и пытающимися конструировать его судьбу, захочет жить по «взрослым сценариям» своих «отцов», подойдет к пониманию патриотизма, гражданской позиции личности со старых позиций, а значит, неизбежно наполнит их новым глубоким смыслом. Поэтому, несмотря на то что новое поколение находится рядом с миром отцов или взрослых, на самом деле оно чрезвычайно далеко от них. Следовательно, изучение поколений требует коррекции в форме новых критических дополнений. В противном случае получается дурная бесконечность, одно повторяет другое.

Несомненно, в условиях смены поколений предстоит поиск нового объяснения патриотизма и его предназначения. Конечно, это упрощение – считать, что проблема патриотизма определяется только межпоколенческим сдвигом. Необходимо принимать во внимание и культурно-историческое пространство обще-

ства, в том числе состояние гражданского воспитания, аксиологический потенциал современного образования, наряду с его гуманитарной составляющей.

Отметим, что на современном этапе развития российского общества, в общественном сознании, которого цель и смысл патриотизма подменены необратимо, происходит болезненная смена базового психотипа. В обществе приоритетное значение получает процесс, основанный как на манипулятивных и спекулятивных действиях со стороны государства – намеренная героизация прошлого страны через сокрытие «скелетов в шкафу», антиамериканская и антиевропейская риторика провластных средств массовой информации, не отличающих сущее от кажимости, так и на постепенном втягивании представителей всех поколений в осознанное построение системоукрепляемой общности, постепенно развивающейся и меняющейся.

Склонны предположить, что любые попытки государства навязать обществу тот или иной тип патриотизма всегда есть насилие над личностью, которое заставляет человека верить в идеи патриотизма правящего класса, и как следствие, помещает его в симулякр патриотизма, в искусственно созданное матричное образование с заданными и неизменными характеристиками. В итоге патриотизм превращается в имитацию патриотизма, некое симулятивное образование. Одновременно он, как правило, сводится к политической воле и политическому интересу правящей группы, который реализуется за счет стратегических действий, основанных на искажении или сокрытии информации, что обуславливает негативный и в конечном счете антинародный сценарий.

Полагаем, что сегодня патриотизм привлекает к себе людей, стратифицированных по образу жизни. Однако требуется анализ того, как представляет себе патриотизм отдельная человеческая единица, которой предстоит сделать выбор в сторону того или иного типа патриотизма, особенно в бифуркационный период развития общества.

Склонны полагать, что значимость патриотизма для развития общества актуализирует вопрос, связанный с факторами его формирования. В то же время различные интерпретации патриотизма, несмотря на его кажущуюся естественность и извечность, создают предпосылки для появления стереотипизированных химерических конструкций по причине столкновения в многонациональном государстве местного и государственного патриотизма или в многонациональной системе противоречий между имперским патриотизмом и патриотизмом маленькой нации.

Отрицание патриотизма, как и его обожествление, – это две неприемлемые крайности. В них проявляется две стороны фетишистского сознания – отрицание и восстановление некоего идола, которое на протяжении долгого времени оставалось неотъемлемой чертой советской действительности. Отрицание патриотизма – это свержение исторической личности, сложившейся в многовековой культуре российского общества; восстановление означает абсолютизацию застывшей маски, безжизненной личины. Сегодня складывается впечатление, что фетишизация патриотизма сводится к тому, чтобы компенсировать потерю реального, показать реальное через воображаемое.

Бесспорно, приоритетной формой патриотического фетишизма выступает институт образования, сведенный к логике «сервиса» – к оказанию образовательных услуг, выстроенный сообразно заданной вертикали ценностей и приоритетов, очерченных государством. Институт образования выступает приоритетным

каналом воспитания, передачи и усвоения идеи патриотизма. Его особенность заключается в том, что он больше не контролируется мощной идеологией, которая вынесена за пределы школы, несмотря на появившиеся зачатки запрета на критику государственной политики. Более того, государство утратило контроль за действием групп (педагогов), выступающих в качестве регуляторов массовидного поведения, осуществляемого через институт образования с разнообразием педагогических программ и процесса обучения. Институт образования, для которого фрейм воспитания патриотизма перестал быть организующим принципом, больше не пропитан сильными временными связями в пределах прямого контакта поколений, их смысловым диалогом, настраивающим на понимание прошлого. Как следствие, патриотическое воспитание слабо интегрировано в образовательный процесс.

Нет сомнений в том, что современная школа в отличие от советской потеряла свою тотальность, стремление контролировать все, чем живет личность обучающегося. Контроль приобретает характер внешнего бюрократического мероприятия, поощряющего сознание обучающегося к патриотизму по привычке или инерции.

Проследим эволюцию школы. В советское время школа, несомненно, выступала «территорией тотального контроля». Тем не менее ее преимущество состояло в том, что она позволяла жить с логически осмысленным опытом патриотизма, который яснее всего проявлялся в образе жизни. Важным достоинством советской школы оставалось то, что свою главную задачу она видела в воспитании личности (граждан страны), подрастающего поколения, которое было объединено (слито) с обучением.

Затем она сменяется школой «гибридного контроля» за разными лакунами социальных групп. Развитие получает патриотизм на традиционной основе, эмоционально осмысленной. Память о войне 1941–1945 гг. оставалась важной частью механизма военно-патриотического воспитания. В начале 90-х школа становится «территорией хаоса» с отказом от какой-либо идеологии. Здесь выделяется формы игрового патриотизма с элементами традиционного и уже догматического. Происходит разделение его на государственный и личный. Перед ней стояла задача реформатирования сознания подрастающего поколения.

В настоящее время школа постепенно эволюционирует в «территорию организованного хаоса». Несмотря на то, что сегодня нет единого понятия патриотизма, тем не менее постепенно идет агрессивное навязывание идеи государственного патриотизма, сопровождаемого градом громких деклараций. Его формирующей основой выступает День Победы – 9 мая, который остается мощным коллективным ритуалом, значение которого разделяется практически всеми поколениями страны. В то же самое время отмечается заметное снижение роли воспитательной и духовно-нравственной составляющей в образовательном процессе школы, что обусловлено общим политическим и социальным климатом страны. Главную задачу современная школа видит в передаче новому поколению набора компетенций.

Трудно не согласиться с тем, что воспитание патриотизма проходит в ходе социализации в рамках сложившейся образовательной системы. Однако при этом школа должна быть основана на усвоении классического отечественного и зарубежного культурного наследия, опираться на нормы научного мышления, акту-

альные базовые ценности российской цивилизации и категории религиозной культуры своего общества, национального сознания, и на его духовный опыт.

К числу других средств воспитания патриотизма отнесем технологии манипуляции общественным сознанием в соответствии с заданными стереотипами среды, ограничивающими способность индивида сохранять естественный режим мышления (формированием так называемого мифомышления), что неизбежно сопровождается процессом деперсонализации личности, попаданием ее в сложную систему психологических зависимостей. Игра на архаических ценностях и через ценности становится важным фактором включения индивида в пространство патриотизма.

Критически важно проследить эволюцию воспитания патриотизма как единого процесса. Как минимум, патриотизм вырастает на почве истории семьи (воспитания на дому), которая остается единственным социальным институтом, обеспечивающим наилучшим образом его формирование и воспитание, где не надо апеллировать к сознанию и сознательности подрастающего поколения. Его содержанием становятся семейные ценности, когда ребенок входит в так называемую почву, род, социальную группу как часть самости. Здесь преобладает неформализованное воспитание патриотизма. Новый этап воспитания патриотизма свое логическое продолжение получает уже в рамках общеобразовательной школы, где его воспитание в основном построено на основе формализованных ценностей. Новый, вузовский этап является критическим, сложным периодом, ибо в его рамках начинается переосмысление всех или какой-то части ценностных представлений, в том числе патриотических. Имеет смысл указать на очевидную опасность: перевод школы и вуза на электронный (дистанционный) формат или вариант обучения значительно снижает роль воспитания, практически сводит его на нет. И завершающий его этап назовем послевузовским, когда патриотизм построен на основе самовоспитания, самоподдержания, периодического обновления патриотических взглядов. Не исключено, что указанный этап носит дискретный характер. Он подвержен мощному влиянию государственной пропаганды.

В современном обществе институт образования традиционно построен на классно-урочной системе в школах или лекционно-семинарской – в вузах. В данной рамочной конструкции слабо действуют рациональные способы осмысления и понимания прошлого и настоящего, которое плохо воспринимается молодым поколением с хорошо развитым интеллектом, для них это скучно. Они не мотивированы к самостоятельной познавательной деятельности. Одна из вероятных причин – снижение эффективности института автодидактики.

Приметой времени стало то, что учащиеся предпочитают искать информацию в интернете, часто полностью и автоматически отдаваясь в руки интерпретаторов. Собственная точка зрения не артикулируется в дискуссиях, становится для многих ненужным, а то и раздражающим «тараканом в голове». В результате «молодежь, – говоря словами Ф. Ницше, – как бы прогоняется сквозь строй столетий» [4, с. 202], историю эпох, культур и нравов человечества, что превращает индивида в «штампованную» личность. И это прямо противоречит человеческой природе, как природе творческой. Действительно, обучаемые неодинаково реагируют на события истории. Как справедливо указывает Марк Блок, «чувствительность к событиям настоящего очень различна в зависимости от различий в темпераменте...» [1, с. 105]. Темперамент не единственный фактор, который обуславливает интерес к прошлому. Характер, задатки личности, направленность, спо-

способности, а также социальная среда обуславливают познавательную деятельность. А это только индивидуальный уровень. Поднимаясь на личностный, мы сталкиваемся с массой социальных феноменов, формирующих и определяющих наше восприятие.

Отечественный институт образования, построенный на принципах Болонского процесса, поднимает людей слабо развитых, для которых свойственно снижение уровня понятийного мышления, ослабление понимания и осмысления причинно-следственных связей исторических событий и явлений. Это также не избавляет их от опасности незнания, выступающего источником гражданского безмолвия. Как следствие, здесь возникает неразрешимая проблема мотивации сильных и слабых. Отметим, что не все в образовательном процессе сводится к мотивации, но все насыщается ею. Безусловно, мотивация становится усложняющим фактором и для преподавателя, остро ставя перед ним вопрос: как мотивировать и кого. Как указывает С.Л. Рубинштейн, «существенная задача педагога заключается в том, чтобы найти на каждом этапе развития наиболее адекватные для учащегося мотивы, соответственно преобразуя и переосмысливая задачу, которую он ставит перед ними» [5, с. 500].

Практика показывает, что еще одной стороной образовательного процесса традиционно выступает монолог, в ходе которого преподаватель, особенно учитель в школе, выступающий не только трансформатором знания, но еще и воспитателем, утверждает свое мнение, в то время как истина рождается посредством многостороннего взаимодействия, соответствия склонностям, самоактуализации и интересам обучаемых. Считается, что обучаемые должны проявлять «горячий интерес» к историческому процессу, идеям патриотизма – и чем больше, тем лучше. На практике фактически сталкиваемся с его отсутствием.

Между тем преподавание истории, в рамках которого и должно идти воспитание патриотизма (и не только истории), нередко сводится к унифицированной «книжной истории». Как следствие, такой образовательный процесс, протекающий на формальном словесном уровне, не ориентирован на ее практический аспект, глубокие и объективные интерпретации исторического прошлого, что обеспечивает всего лишь *фоновое* понимание исторических событий или одних событий в ущерб другим. Более того, преподавательский состав подходит к выбору отдельных фрагментов, событий (назовем их удобными) исторического процесса без придания ему причинно-следственных связей и морально-нравственной оценки. Отсутствие стремления соединить воспитание патриотизма с историческим процессом, с историческим опытом и проблемами реальной действительности (повседневности) превращает процесс обучения в простой педантизм. Наоборот, умение вместить глубокий исторический контекст и историческую взаимосвязь событий в образовательный процесс, не выпрямляя линий, соединяющих прошлое с настоящим, показать нерасторжимость феномена патриотизма с развитием личности отражает мастерство педагога.

Школа, где происходит первая встреча с историей, в том числе высшая, транслирует границы между истиной, претензии на которую текучи, в связи с проблемами настоящего и национальными мифами (на какой-то момент оказывающимися важнее реальности), в которые продолжает верить общество, в репрезентации прошлого. Тщательно смешивает их с фактами, закрепляя их меняющиеся границы. В итоге происходит перемещение истины по пространству памяти, что неизбежно ведет к новым интерпретациям хорошо известных фактов.

Однако, на наш взгляд, именно школа, в том числе высшая, должна стать тем местом, где усваивается национальная память государства, воспитываются основы патриотизма через взаимопроникновение прошлого и настоящего. Посредством приобщения к коллективной памяти, которое сопровождается сильным эмоциональным воздействием, события прошлого возвращаются в день нынешний.

Невозможно отрицать, что патриотизм, который не состоит из непреложных категорий, будучи встроенным в систему образования, внимая инстинкту власти, ее идеологическим видениям, вовлекает индивида в иллюзорное пространство правдоподобия и мифотворчества, в котором человек наиболее управляем. В результате патриотизм приобретает мнимый характер, направляющий трансляцию культурных моделей поведения. Отметим, что в иллюзорном пространстве воображение затеняет реальное, а сознание индивида превращается в сознание зрителя, который считает, что те образы (как правило, клишированные), которые ему предлагают, и есть реальность.

Очевидно, что перенасыщение общественного сознания патриотизмом сопровождается состоянием непрерывного его перевозбуждения, что приводит познающего субъекта к временной исключенности из потока событий, который уже не имеет решающего значения для его жизни, перед ним больше нет насущной задачи подняться до логического самопознания. Полагаем, что в рамках именно рационально-организованной памяти «патриотическое воспитание выходит на первый план. Это воспитание не должно быть коммунистическим или монархическим. Оно должно быть максимально деполитизированным» [3, с. 211], – справедливо указывает В.В. Запарий.

Итак, подведем итоги. Во-первых, современный опыт страны заставляет задуматься о том, как избежать превращения патриотизма в фетиш, ради которого отбрасываются вопросы и проблемы текущего состояния общества. Во-вторых, смысловое или рационально организованное содержание патриотизма должно выстраиваться в соответствии со спросом на него – индивидуальным, коллективным и национальным; в то же время осмысление патриотизма должно пересекаться с реальностью в тех точках, где происходят возмущения, вызванные столкновением реальности со стереотипами. Одна из этих точек, несомненно обладающих статусом бифуркаций, – школа, точнее, организованный в ней современный образовательный процесс. Мы, педагоги, зачастую по разным причинам не видим нового поколения и представляем фиджитал-поколение как очередную интеллектуальную абстракцию. Но это поколение, весьма возможно, окажет серьезное влияние в перспективе на развитие страны, и нужно уже сейчас серьезно изучать его оформляющуюся систему ценностей, в том числе в пространстве патриотизма. В этом и заключается сопряженность смены поколений и патриотического воспитания. В-третьих, сегодня российскому государству (его политической элите) намного важнее воспроизводить форму патриотизма на уровне официальных формул, но не его буквальный смысл. В-четвертых, учитывая остроту феномена патриотизма и значимость его для укрепления общества и государства, необходимо разработать интегрированную программу его воспитания, которая должна быть не суммой разрозненных и разовых мероприятий, а долгосрочной и системной деятельностью по его воспитанию, важнейшим приоритетом отечественной системы образования всех уровней, большая часть которого должна проходить вне формальных программ обучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: ПОСТУП, 2018. – 320 с.
3. Запарий В.В. Патриотизм и высшее образование / Естественно-научное, техническое образование и философская культура: Мат-лы респуб. науч.-практ. конф. (28-30 сентября 2000 г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 260 с.
4. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. – М.: Мысль, 1990. – 829 с.
5. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
6. Хоффер Э. Человек убежденный: личность, власть и массовые движения. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 200 с.
7. Юрьев А.И. Может ли общество одновременно думать и чувствовать? / Общество и политика: Современные исследования, поиск концепций. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – 512 с.

REFERENCES

1. Blok M. Apology of history or the craft of a historian. M.: Science, 1986. 256 p.
2. Baudrillard J. Simulacra and simulation. M.: POSTUP, 2018. 320 p.
3. Zapariy V.V. Patriotism and higher education. Natural-scientific, technical education and philosophical culture. Materials of the republican scientific-practical conference (September 28-30, 2000). Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2000. 260 p.
4. Nietzsche F. On the benefits and harms of history for life. Works in 2 volumes. Vol. 1. Literary monuments. M.: Mysl, 1990. 829 p.
5. Rubinstein S.L. Foundations of general psychology. SPb.: Peter, 2002. 720 p.
6. Hoffer E. A convinced man: Personality, power and mass movements. M.: Alpina Publisher, 2017. 200 p.
7. Yuryev A.I. Can a society think and feel at the same time? Society and Politics: Contemporary Research, Search for Concepts. SPb.: Publishing house of St. Petersburg University, 2000. 512 p.

Информация об авторах: Абрамов Сергей Михайлович, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом» ФБГОУ ВО «Уральский государственный горный университет»,
г. Екатеринбург, Россия
abramowwwsm@mail.ru

Акулов Сергей Александрович, старший преподаватель кафедры «Управление персоналом» ФБГОУ ВО «Уральский государственный горный университет»,
г. Екатеринбург, Россия
sergei1954akulov@rambler.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Sergey M. Abramov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Personnel Management, Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia
abramowwwsm@mail.ru

Sergey A. Akulov, Senior lecturer of Personnel management sub-faculty of the Ural State Mining University,
Ekaterinburg, Russia
sergei1954akulov@rambler.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 10.01.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 12.02.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 23.02.2021

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. / The authors declare no conflicts of interests